

АСКЕТИКА КАК МАРШРУТНАЯ КАРТА ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

© 2019 С.К. Рыбаков

Рыбаков Сергей Константинович, аспирант кафедры теории и истории культуры. E-mail: veld_718@list.ru

Самарский государственный институт культуры. Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 18.02.2019

Философы, культурологи и антропологи разных эпох интересовались и исследовали культуру как форму работы субъекта с пространством и временем. Эту важнейшую антропологическую составляющую всех мировоззренческих систем А.А. Ухтомский обозначит термином «хронотоп». Одной же из сущностных характеристик ориентации субъекта во времени и пространстве является его мобильность. В статье рассматривается Путь как мифологема движения. Обосновывается тезис, что аскетика при определении жизни как пространственно-временного Пути выполняет роль своеобразной маршрутной карты, навигатора и компаса, помогающих определить его цель, задать уникальный вектор. Подобно нити Ариадны, аскетика позволяет избежать блужданий по лабиринтам бытия и хождения по замкнутому кругу и, как следствие, позволяет человеку сбиться и не потеряться, выводя его существование на качественно иной онтологический уровень.

Ключевые слова: аскетика, Путь, движение, хронотоп, опыт, Аристотель, феноменология, кенозис, анабазис.

Наша жизнь – путешествие, идея – путеводитель.
Нет путеводителя, и все остановилось.
Цель утрачена, и сил как не бывало.
В. Гюго

Истинный путь идет по канату, который натянут
не высоко, а над самой землей. Он предназначен,
кажется, больше для того, чтобы о него спотыкаться,
чем для того, чтобы идти по нему.
Ф. Кафка. *Размышлениях об истинном Пути*

Введение. Многие знают известное аристотелевское определение жизни как движения. Общечеловеческая история может быть определена словом «путь», то есть общенаправленным движением от чего-то к чему-то. Главной характеристикой такого движения является его телеологичность, целенаправленность. В этом смысле животный мир, например, оказался лишен истории, она субъективна по природе своей.

Анализ. Мартин Хайдеггер, прослеживая генеалогию термина «субъект», отмечает, что он взят напрямую из схоластики, где «субъект» предполагался в виде христианизированного аристотелевского «ипокименон» (с греческого «под-лежащее») [14, с.184].

«Подложенное», «подлежащее» у Аристотеля означало то, что является главным и самым принципиальным в самодвижущемся процессе (автокинезе), что, собственно, и есть жизнь. Он различал три типа жизни: растительную, животную и разумную. Растительная – увеличение в размерах и способность к питанию, у нее есть свой ипокименон – растительная душа, жизнь животная – более высокий уровень самодвижения, так как у

животных есть душа (животный ипокименон), наконец, самый высокий, по Аристотелю, тип жизни – это движение мысли, ипокименон которой – разумная душа. Чтобы камень двигался – его необходимо толкнуть, придать ускорение, животное движется само, однако, на его движение также можно оказывать влияние путем дрессуры, понуждения и поощрения, мысль человеческая – это полет свободы. *Разумную душу при формировании схоластики в римской традиции и назовут субъектом.* Таким образом, жизнь человеческую можно описать как свободное путешествие в пространстве и времени свободного субъекта.

Словом «путь» является универсалией, описывающей природную жажду познания (от художественного до научного) себя, мира и связей одного со вторым. Путь не прямолинейный, а каскад переходов, испытаний и трансформаций. Социальная драма переходного процесса в культуре раскрывается в работах В.И. Ионесова [4 – 6]. Отмечается, что переходная культура позиционируется как путь собирания бытия и преодоления распада ценностей. Этот трансформационный процесс ярко отражается в метафорах перехода и символах спасения [6]. История культуры как способ собирания человека замечательно отображен в работах Г.С. Померанца [8 – 10] и С.С. Хоружего [15].

Семантика концепта «Путь» очерчивается такими словами-знаками (семами), как «порог», «граница», «переход», «разворот», «возвращение», «тупик», «следование» (и множеством производных от него – «ис-следование», «пре-следование», «на-следование»), «периферия», «центр», «горизонт», «поле», «тропа», «распутье», «магистраль»,

«перекресток», «указатель», «верстовой столб» – которыми создается топология жизненного и культурного пространств в их цельности и взаимосвязи.

Для описания движения культуры мы часто используем слово «развитие», которое тождественно по смыслу слову «раскручивание», то есть движение от зародыша к плоду, от бутона к цветку. Явление человека в мир – движение от тьмы материнской утробы к свету этого мира, от младенчества к старости, от глупости к опыту, от незнания к знанию, от тайн мироздания к пониманию общемировых универсалий и т.д. Сотни тысяч артефактов культуры несут на себе следы прожитых «приключений» человека, представляя собой, в сущности, путевые заметки, а их комплекс превращает жизнь в некий бортовой журнал. Напомним, что путешествия в древнейшие времена считались, чуть ли не единственно возможным способом получения практического знания о мире, превращая жизнь в паломничество к смыслу и опыту. Сейчас антагонистом путешествию по цели и содержанию является туризм, который зачастую заключается лишь в психофизическом отдыхе и бездействии.

Путешествие – всегда выход за родную околицу, за пределы привычного (от того кажется, что понятного) и уютного своего пространства в чужое, которое даже на уровне сказок, легенд и мифов описывается как пугающее, несколько агрессивное, бросающее вызов. Важно отметить, что телеологичность пути определяется не движением «от», а движением «к» – оно совершается для того, чтобы вернуться. Оценить красоту, уникальность архитектуры собственного дома возможно только при выходе из него. Движение из своего происходит не к чужому, а к своему же, но иначе и глубже осмысленному. Это не тяготение к побегу (хотя, безусловно, в непрерывное бегство по кругу человек также может превратить свою жизнь) – это стремление осмыслить пространство родного и знакомого с целью «возделывать», претворить его в «прибежище», «при-станище». Лао Цзы писал по этому поводу: «Знающий людей разумен, а знающий себя самого прозорлив. Побеждающий других силен, а побеждающий самого себя могуществен. Довольствующийся самим собой – богат. Твердый в своих действиях имеет твердую волю. Не отступающий от своего назначения долговечен. Неуничтожимый после смерти вечен» [16, с.122]. В феноменологии для определения такого движения Гуссерль вводит в аппарат греческий термин «эпохэ» (от греч. ἔποχῃ – «задержка, остановка, удерживание, самообладание») [3, с.93]. Бинарной оппозицией его в аске-

тике будет другой греческий термин «просохэ», описывающий процесс, который лежит в основе аскетического миропонимания и мироотношения. Эти два слова имеют один корень «передвигаюсь», но если в первом случае «передвигаюсь от», то во втором – «к». Осуществляя эпохэ, субъект исключает из поля зрения все (т.е. заключает в скобки) – накопленные историей научного и ненаучного мышления – мнения, суждения, оценки предмета и стремится с позиции «чистого наблюдателя» сделать доступной сущность этого предмета. Аналогом в бытовом языке этого термина будет «проехали!».

В различных культурах, в фольклоре разных народов подчеркивается тема пути и необходимости его прохождения: инициации, подвиги, обретение судьбы и осмысленности – все это происходит в движении. Сам опыт общечеловеческий и персональный – это результат некоего проделанного пути, действия или бездействия. Иванушке-дурачку путь к себе как к царевичу всегда пролегает через лес, перепутья, печку Бабы Яги и т.д. Одиссей, чтобы осмыслить радость супружества и тепло домашнего очага, должен обязательно проплыть между своими Сциллой и Харибдой, уйти от сирен, пройти мимо быков Гелиоса и т.д. Бильбо Беггинс обязан проделать свой путь «туда и обратно». Библейские Авраам и Моисей для достижения обетованной земли должны покинуть привычную и комфортную чужбину, а чтобы познать себя и мир, необходимо выйти за пределы уютного и понятного пространства. В книге Бытия мы находим прямое указание на путь как некую Божественную универсалию – читаем на языке оригинала «Выйди из земли твоей, из дому отца твоего и Я покажу тебе тебя» [1, с. 57].

Христос определяет в Евангелии Себя не иначе как Путь: «Я есть Путь и Истина и Жизнь» [1, с. 998]. Есть различные толкования этой фразы, лежащие не только в богословском, но и лингвистическом поле – интересует не тройное употребление союза «и» (**и** путь **и** истина **и** жизнь), а двойное. Все больше современные экзегеты склоняются к экспликативному пониманию этой фразы: «Я – Путь, потому что Я – Истина, и, следовательно, Жизнь». Есть и еще один фундаментальный философский трактат Лао Цзы именуемый «Канон Пути и добродетели» (Дао де Дзин). Этот трактат открывается фразой «если Путь может быть пройден, то это не постоянный (вечный – С.Р) Путь» [16, с.6], которой подчеркивается важная сущностная характеристика пути – его длительность во времени, он не имеет финальной точки. Этому мы находим

также подтверждения в таких определениях человека, как: «человек – это стрела, пущенная в Небо» или «человек подобен геометрическому лучу, у которого есть точка начала, но нет конца». Этим подчеркивается не только вечность бытия человека, но и вечность его пути как процесса познания себя и сущего.

Таким образом, сделаем промежуточный вывод, что путь для многих культур – универсальный образ, описывающий жизнь как телеологическое движение, образ ориентации в пространстве и времени и работы с этими категориями.

Еще один важный тезис, от которого предстоит оттолкнуться при исследовании аксетизма, его места и роли в определении Пути – отказаться от пути невозможно и не получится. Буддизм зарождается, согласно преданию, когда изнеженный принц Сиддхартха Гаутама покидает дворец отца и поступательно встречает жизнь в ее неприглядности – начинает видеть, ибо преодолевает экзистенциальную стагнацию. Жизнь подобна эскалатору, постоянно движущемуся вниз. Движение вторгается в жизнь в любом случае, но маркироваться оно может разными экзистенциальными индексами – «вверх» или «вниз». Речь идет о работе с субстанциальностью, с первоначалами жизни – при отказе от этой работы человек неукоснительно «сползает» и деградирует. Например, при отказе от напряженного интеллектуального и духовного восхождения происходит переход человека от *sapiens* к *habilis* – человек становится лишь обладателем навыков, имеющих практическое и прикладное значение. Это тоже путь, длящийся регресс – процесс ухудшения характеристик какого-либо объекта с течением времени, движение назад, постепенный упадок, снижение качества – именуемый деградацией. В семантическом поле аскетической традиции эти две точки экстремума описываются терминами «кенозис» (*восхождение*) и «анабазис» (*нисхождение*). Вспомним еще раз гомеровскую историю приключений Одиссея, которая, в сущности, является архетипичной. Одиссей отказывается от родной Итаки, домашнего очага, жены и детей в поисках воинской и героической славы. Он встречает одного чудовища за другим, побеждая, как может показаться, каждого из них, преодолевает испытание за испытанием: побеждает циклопа-людоеда, выживает при встрече с Киркой и сиренами, проходит между ужасными Сциллой и Харибдой. У обывателя складывается впечатление, что это ода героизму и подвигам, но мы находим печальное описание:

«...в дом возвратишься, товарищей в море/ Всех потеряв, на чужом корабле, и не радость там встретишь;/ Буйных людей там найдешь ты, твое

достоянье губящих,/ Мучащих дерзким своим сватовством Пенелопу...» [2, с.287].

Итак, человек, променяв родной дом на почесть и славу великих побед (то есть заведомо отправился в путь с неверной целью), одерживая победу за победой (а, по сути, переходя от одного чудовища к следующему более ужасному), поступательно теряет друзей, спускается до Аида (царства мертвых), где встречает умерших от горя и долгих лет ожидания своих родителей. Придя домой, не находит дома, но «буйных людей, твое достоянье губящих». Дом превращается в вертеп и кабак, а сам Одиссей вынужден «отправиться странствовать снова», то есть его линейный путь превращается в замкнутое вечное хождение по кругу. Таков печальный итог неверных интенций.

Для освоения любого пути, во избежание блужданий или потери себя (то, что описывается словом «потерял-ся») необходим маршрут, карта и компас (в современную эпоху – навигатор) для ориентации в пространстве жизни. Данную функцию может и призван выполнять аскетизм, который предполагает

«...путь такого прохождения жизни, в результате которого ты приходишь к себе и реализуешь себя во всем богатстве своих желаний, которые у тебя есть» [7, с.34].

В поле экзистенции всегда сохраняется опасность, что желания могут начать доминировать и господствовать над человеком – и тогда он исчезает как субъект, превращаясь в объект...

«...ты их не знаешь, природа их непонятна. А реализовать то, природа чего непонятна, невозможно; если ты не поймешь своих собственных желаний, то ты себя не реализуешь...» [7, с.34].

Оттолкнуться необходимо от важного определения человека, данного Мамардашвили: «человек есть существо далекого...» [7, с.63]. Именно «далёко» порождает жажду и необходимость начать путь. С одной стороны, приблизиться к себе самому или приблизить себя самого, сделать себя объектом пристального исследования (это лишь оптический обман, иллюзия и мираж, что мы абсолютно понятны себе). С другой – приблизиться к границе, краю своего «далёко», чтобы разомкнуть границу и осуществить переход в «далёко» Другого, Иногобытия. Так наводятся мосты через культурные «овраги» и экзистенциальные «обрывы».

Аскетизм с его пассионарным энтузиазмом через самоограничение наполняет мифологему пути тоской по пространству свободному от всего, что оказывает внешнее давление, насилие и принуж-

дение. Аскет – в высшей степени кинестетик, стремящийся познать себя через преодоление диктата тела и преодолеть самопотерю, выражающуюся в одномерности (только телесного существования), когда

«...разгораются страсти телесного удовольствия, которое быстро приобретает тогда патологические масштабы – например, в виде обжорства, косметической зависимости, сексуальной озабоченности, вуайеризма» [3, с.211].

Аскетика здесь выступает в роли диогеновского фонаря – с одной стороны, проливающего свет на сущее и помогающего двигаться, не претываясь, и посоха странника – с другой, опираясь на который, человек переносит тяжесть тела при ходьбе и способен двигаться дольше и дальше.

Основная стратегия аскетизма – стратегия дауншифтинга (downshifting), где «Shift» (регистр) понижен. Аскет осуществляет переход на пониженную передачу, выражаясь автомобильными аналогиями. Это особенно актуально в современную эпоху «fast» (быстродействия). Идеи скорости и легкости являют даже нового бога.

«Имя этой правящей инстанции – Fast Instant God, и, поразительным образом, его традиционные атрибуты – всеведение, всемогущество, как знать, может быть и высшее милосердие, соединились сейчас в идее быстродействия. Сей новый, опережающий все на свете, кроме самого света Господь, несомненно, благоволил апостолам Новизны и пророкам Скорости. Однако он, Instant God, суров к тугодумам, безжалостен к неуспевающим...» [12, с.144].

Аскеты всех времен стремятся высвободиться из-под давления соревновательного духа между людьми. В беге наперегонки забывается и теряется все, что ранее определялось, как «благо» и «польза» для человечества в целом и даже для отдельного человека. Если можно построить самолёт, способный перелететь через океан немного быстрее предыдущих, то никто не спрашивает, какую цену за это надо уплатить. Выигрыш в полчаса оказывается в глазах всего света самостоятельной ценностью, ради которой никакая жертва не может быть слишком велика. Боязливая спешка и торопливый страх – камни преткновения, от которых стремится освободить пространство пути современный аскет.

«Наихудшие последствие спешки или, может быть, непосредственно стоящего за спешкой страха – это очевидная неспособность современного человека хотя бы ненадолго остаться наедине с самим собой» [14, с. 75].

Тщательность, кропотливость, добротность – по Хайдеггеру, сумма характеристик, делающих вещь вещью мастера – последовательно принесены в жертву [14; с. 224] богу быстродействия. От этого страдает геометрия пути, которую так тщательно пытаются восстановить аскет – путь кривды, блуждания по кругу, распутицу он усилием и напряжением всех сил стремиться преобразовать в путь прямой, путь правды, праведный путь, а любое путанное дело – в путное.

Важно отметить, что природа пути провиденциально задана, что не предполагает его единичность. Аскетическое делание (что шире, чем просто практика, ибо предполагает системность и комплекс всех практик) презентуется различными формами депривации и самодисциплины, посредством которых аскет призван отыскать свою дорогу, ведущую к нему самому изначально заданному. В этом случае, можно говорить об уникальности и индивидуальности подвига каждого идущего путем аскетике. Например, есть общий путь отшельничества (некая маргинальная форма путешествия), но, ввиду того, что каждый держит его к себе самому, отшельники разных культур, конфессий, эпох друг на друга не похожи. Более того, мы можем наблюдать печальные примеры того, как на путь встают не подготовленные (в контексте данного исследования – это люди с неверной интенцией), беря лишь внешние атрибуты, подражая антуражу аскетов прежних эпох. В христианской культуре это может называться прелестью (крайней степенью обманутости, прельщенности), что порождает миражи, иллюзии, путаницу – например, такие как младостарчество, когда неопытный священник опьянен статусом сана, считая, что сама ряса, обращение к нему «отец N», возможность наставлять и т.п. делает его опытным духовником. Если посмотреть на эту ситуацию культурологически или с точки зрения психологии – человек пытается пройти не своим путем, ибо своего пути он еще не ведает. Известная индийская поговорка гласит: «Дорога возникает под шагами идущего». Ей соответствует не менее известная фраза Лао Цзы: «Путь в тысячу ли начинается с первого шага» [16, с. 21]. Но обе они подчеркивают сущностную характеристику Пути – он проявляется, подобно письменам, написанным невидимыми чернилами, остается невидимым (от того и трудным) до тех пор, пока человек не сделает первого осмысленного шага. Аскетическая практика выступает в роли свечи, над которой водят листком бумаги с такими письменами. Человек, в сущности, двигаясь произвольно и свободно, прописывает свой путь. Поэто-

му аскетику мы назовем картой или маршрутом лишь условно – как любая аналогия, данная аналогия также несовершенна. Аскетика тому, кто бережно относится к дару собственной жизни, показывает тупики, черные дыры, попав в которые, человек пропадает, служит указателем на экзистенциальных перекрестках.

Выше была проведена аналогия аскетики с компасом, механизм которого похож на механизм алетиметра из известного произведения Филиппа Пулмана. Принцип его работы прост: он не является абсолютным носителем истины (хотя в его названии зашифровано греческое слово «истина»), он лишь формирует поле догадок. Формирует, исходя из правильно поставленного вопроса. Темы полученных / неполученных ответов, своевременных/несвоевременных вопросов, правильных / неправильных вопросов, диалога вопрошающего и отвечающего, снятого вопроса – магистральные в аскетике. Поэтому религиозная аскетическая практика различных конфессий часто носит диалоговый характер. Аскетизм еще украшает концепт Пути рядом важных слов-сигналов «поводырь», «пастырь», «путеводитель» и др. Ученик не знает Пути – он прокладывается, как было ранее отмечено, шагами идущего. Через странный и неинформативный для внешнего наблюдателя диалог – собеседник, кажется, ничего не узнает. Учитель часто не притязает преподавать ему какой-нибудь урок, но изнуряет своих собеседников вопросами, заставляющими усомниться, принуж-

дающими их принять на себя заботу о них самих. Миссия наставника в диалоге – не поделиться сакраментальным знанием, она в том, чтобы пригласить своих учеников исследовать свое сознание, озаботиться своим внутренним движением вперед. Это путь взросления, когда к хождению в горизонтальной плоскости присоединяется восхождение по вертикали к горнему, где царствует иная аксиологическая система измерения. Эта система реверсифицируется обратно в горизонтальное пространство жизни тем, что принято максимально широко именовать словом опыт.

Подводя итог вышесказанному, еще раз отметим, что Путь и его преодоление посредством путешествия, которое есть способ измерения и познания пространства и времени, как внешних, так и внутренних (человек – это заключенное в тело пространство и время), являются одним из важнейших концептов общечеловеческой культуры. Аскетизм же с его универсальным призывом «опираться на острые углы» [11, с.73] расчищает культурное пространство, делая этот путь зримым и осязаемым, посредством исторически сложившихся практик освещает его, помогая ориентироваться. Он задает направление движения, ставит жизненно важные вопросы, помогает и готовит принять ответы на них, заключая в себе многовековой опыт человеческого знания о самом себе, позволяет войти в пространство этого опыта каждому решившемуся осилить путь собственной жизни.

1. Библия. М., Изд-во Российское библейское общество, 1999. 1326 с.
2. Гомер. Одиссея / пер. В.А. Жуковского. М., Изд-во Эксмо, 2016. 480 с. Сер. «Библиотека всемирной литературы».
3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., Изд-во Академический проект, 2019. Т. 1. 489 с.
4. Ионесов В.И. Переходный процесс: императивы и векторы трансформации культуры // В сб.: Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации. Материалы III Международной научно-практической конференции: в 2 ч./ под ред. С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой. 2015. С. 162 – 169.
5. Ионесов В.И. Императивы свободы и гуманизма в культуре: некоторые феноменологические прояснения // Аспирантский вестник Поволжья. 2008. № 1-2. С. 30 – 34.
6. Ионесов В.И. Культура как преодоление: о метафорах перехода и символах спасения // В сб.: Национальное культурное наследие России: региональный аспект VI Всероссийская научно-практическая конференция в рамках VII Всероссийского конкурса-фестиваля исполнителей и балетмейстеров народного танца им. Геннадия Власенко. Самара, Самар. гос. инст. культуры, 2018. С. 17 – 25.
7. Мамардашвили М. Полный курс лекций по Философии Европы. Психологическая топология пути. М, АСТ, 2016. 919 с.
8. Померанц Г.С. Квадратура исторического круга // Знание-сила №4. 1991. С. 40 – 46.
9. Померанц Г.С. Выход из транс. Лики культуры. М., Юрист, 1995. 384 с.
10. Померанц Г.С. Собрание себя. Курс лекций, прочитанный в Университете истории культур в 1990 – 1991 гг. М.; СПб., Центр гуманитарных инициатив, 2013. 143 с.
11. Ринпоче Ч.Т. Сердце Будды. Вступление на путь тибетского буддизма. М., Изд-во Ганга, 2013. 204 с.
12. Секацкий А.К. Последний виток прогресса (От Просвещения к Транспарации). СПб., Изд-во К. Тублина, 2012. 332 с.
13. Флоренский П. История и философия искусства. М., Изд-во Академический проект, 2017. 623 с.
14. Хайдеггер М. Бытие и время. М., Изд-во Академический проект, 2007. 448 с.
15. Хоружий С.С. Исихазм и история // Цивилизации / отв. ред. М.А. Барг. М., Наука, 1993. Вып. 2. С. 172 – 196
16. Цзы Лао. Дао дэ цзин. Книга пути и достоинства. М., Изд-во Центрполиграф, 2019. 222 с.

ASCETICISM AS A ROADMAP OF A LIFE COURSE

© 2019 S.K. Rubakov

Sergey K. Rybakov, postgraduate student at the Department of Theory and History of Culture. E-mail: veld_718@list.ru

Samara State Institute of Culture. Samara, Russia

Philosophers, culture experts and anthropologists of different periods explored culture as a form of the subject's work with space and time. This important anthropological component of all world-viewing conceptions is denominated by A.A. Ukhtomsky as a "chronotope". One of the essential characteristics of the subject's orientation in space and time is its mobility. The way as a mythologem of movement is considered in this article. It is justified that asceticism performs the function of a kind of a roadmap, a navigator and a compass by the determination of life as a space-time way, helping to determine its destination and to set a unique vector. Like the thread of Ariadne, asceticism makes it possible to avoid wandering through the labyrinths of being and walking in a vicious circle and, as a result, allows a person to become their true self and to not get lost, bringing his existence to a qualitatively different ontological level.

Keywords: asceticism, way, movement, the chronotope, experience, Aristotle, phenomenology, kenosis, anabasis

1. Bibliya (Bible). M., Izd-vo Rossijskoe biblejskoe obshhestvo, 1999. 1326 s.
2. Gomer. Odissey (Odyssey) / per. V.A. Zhukovskogo. M., Izd-vo E`ksmo, 2016. 480 s. Seriya «Biblioteka vsemirnoj literatury».
3. Gusserl` E`. Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii (Ideas to a pure phenomenology and to a phenomenological philosophy). M., Izd-vo Akademicheskij proekt, 2019. T. 1. 489 s.
4. Ionesov V.I. Perexodny`j process: imperativy` i vektory` transformacii kul`tury` (Transition process: imperatives and vectors of culture transformation). V sb.: *Modernizaciya kul`tury`: poryadki i metamorfozy` kommunikacii*. Materialy` III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2 ch./ pod red. S.V. Solov`evoj, V.I. Ionesova, L.M. Artamonovoj. 2015. S. 162 – 169.
5. Ionesov V.I. Imperativy` svobody` i gumanizma v kul`ture: nekotory`e fenomenologicheskie proyasneniya (Imperatives of freedom and humanism in culture: some phenomenological clarifications). *Aspirantskij vestnik Povolzh`ya*. 2008. № 1-2. S. 30 – 34.
6. Ionesov V.I. Kul`tura kak preodolenie: o metaforax perexoda i simbolax spaseniya (Culture as the overcoming: the metaphors of transition and the symbols of salvation). V sb.: *Nacional`noe kul`turnoe nasledie Rossii: regional`nyj` aspect*. VI Vserossijskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya v ramkax VII Vserossijskogo konkursa-festivalya ispolnitelej i baletmejste-rov narodnogo tancza im. Gennadiya Vlasenko. Samara, Samar. gos. inst. kul`tury`, 2018. S. 17 – 25.
7. Mamardashvili M. Polny`j kurs lekcij po Filosofii Evropy`. Psixologicheskaya topologiya puti (Full course of lectures on the Philosophy of Europe. Psychological topology of the way). M, AST, 2016. 919 s.
8. Pomerancz G.S. Kvadratura istoricheskogo kruga (Squaring the historic circle). *Znanie-sila* №4. 1991. S. 40 – 46.
9. Pomerancz G.S. Vy`xod iz transa. Liki kul`tury` (Out of trance. Faces of culture). M., Yurist, 1995. 384 s.
10. Pomerancz G.S. Sobiranie sebya. Kurs lekcij, pročitanny`j v Universitete istorii kul`tur v 1990 – 1991 gg. (Picking yourself up. A course of lectures given at the University of cultural history in 1990 – 1991.). M.; SPb., Centr gumanitarny`x iniciativ, 2013. 143 s.
11. Rinpoche Ch.T. Serdce Buddy`. Vstuplenie na put` tibetskogo buddizma (The Heart Of The Buddha. Introduction to the path of Tibetan Buddhism). M., Izd-vo Ganga, 2013. 204 s.
12. Sekaczkiy A.K. Poslednij vitok progressa (Ot Prosveshheniya k Transparacii) (The last round of progress (From Enlightenment to Transparation)). SPb., Izd-vo K. Tublina, 2012. 332 s.
13. Florenskij P. Istoriya i filosofiya iskusstva (History and philosophy of art). M., Izd-vo Akademicheskij proekt, 2017. 623 s.
14. Xajdegger M. By`tie i vremena (Being and time). M., Izd-vo Akademicheskij proekt, 2007. 448 s.
15. Xoruzhij S.S. Isixazm i istoriya (Hesychasm and history). *Civilizacii` / otv. red. M.A. Barg. M., Nauka, 1993. Vy`p. 2. S. 172 – 196*
16. Czzy` Lao. Dao de` czzin. Kniga puti i dostoinstva (Tao te Ching. Book path and dignity). M., Izd-vo Centrpoligraf, 2019. 222 s.